

Евгения Мелемина Последний Инженер

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6649699
Последний Инженер /Евгения Мелемина: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083081-7*

Аннотация

Люди пережили эпоху Мертвых – эпоху загадочных машин, отнимающих человеческие души.

Люди пережили эпоху Конструкта – эпоху полного контроля над разумом и эмоциями.

Люди пережили эпоху Биоинженерии – эпоху бессмертия, закончившуюся губительным для планеты перенаселением.

Переживут ли люди войну Последних Инженеров – пастырей ушедших в прошлое великих технологических эпох?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Мелемина Последний Инженер

© Мелемина Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Скоростной поезд сошел с рельсов на участке пути между Балежной и Новатой. Оба города числились в списке мертвых и были окружены давно нехоженными лесами. Карта сообщала, что дорога сохранилась и шла параллельно железнодорожным путям.

Полицейский, встреченный на последнем перекрестке, об аварии уже знал и на вопрос Караги о дороге ответил:

– Если поваленных деревьев нет, проедете. – Глянув внутрь салона джипа, он укоризненно заметил: – Девоч катаешь.

Юга высунулась из-за плеча Караги и смущенно улыбнулась.

– Скройся, – сухо сказал ей Карага, а офицеру пояснил: – Это коллега.

Форма висела на Юге мешком – на нее на складе не нашлось нужного размера, и оттого она выглядела, как ребенок, решивший поиграть в спасателя.

Балежня промелькнула первой: плотный городской сектор типовой коробочной застройки, совершенно пустой, без единого яркого пятна. Прокатился и заброшенный пригород ослепшими домами, заборами из выгнутой парусом сетки, дощатыми и – редко – железными и ржавыми. Одна из улиц звалась Центральная, а вокруг стоял лиственный лес, наступающий на проросшие жидким вьюном огороды.

– В Новате еще хуже, – сказала Юга, с любопытством разглядывая безжизненные пейзажи. – Почему люди отсюда ушли, как ты думаешь?

– Потому что здесь поселилось чудовище по имени Как-Ты-Думаешь и дожаривалось к ним с этим дурацким вопросом.

Юга слегка улыбнулась и снова прижалась к стеклу.

Балежня быстро осталась позади. Дорога, обещанная картой, оказалась разбитой, в язвах глубоких ям. Спасательный внедорожник «Тереза» то нырял носом вниз, то задирал зад, будто карета, решившая прокатиться по танкодрому.

– Два часа катимся, – вздохнула Юга.

– На трупы приедем, – согласился Карага, сдерживая зевоту. – Налей мне кофе.

Юга перегнулась через сиденья и вытащила большой термос, разрисованный яркими цветами. Отвинтив крышечку, она налила в нее кофе, сделала вид, что смакует первый глоток, и только после этого передала Караге.

– Корица, – сказала она, – нравится корица?

Карага неопределенно помотал головой. Он внимательно смотрел по сторонам в поисках поворота и на корицу внимания не обратил.

– Через пару километров подзарядишь меня и будешь ждать.

– Я останусь в машине? – расстроилась Юга.

– Останешься. Будешь кофе допивать, а я пойду разгрести железо.

– Жаль, – с тоской сказала Юга. – Смотри, белочка!

– Белочка-стрелочка...

Затрещала старая рация. Через помехи и вой донесся голос:

– Семерка! Вы где?

– Почти на месте, – отозвался Карага, прижимая рацию к губам. – Что там?

– Каша.

Карага остановил машину и повернулся к Юге.

– Разряд.

Она протянула руки, обеими ладонями взялась за его виски и прикрыла глаза. На мгновение запахло озоном, проскользнула голубая искра, и Карага стиснул зубы от острой боли.

Привычная боль от запуска энергообмена между живыми тканями и имплантами, с которой ничего не поделаешь, пока в организме есть хотя бы пара килограммов живого мяса.

– Хорр-рошо, – пробормотал Карага, как нырятьщик-морж, выбравшийся из проруби. Его потряхивало, синие блики блуждали под кожей, коротко стриженный ежик седых волос встал дыбом. Он остановил «Терезу» на обочине и вышел.

– Оставайся тут, – приказал он Юге. – На солнце не задерживайся – перегреешься.

Солнце добралось до высшей точки и раскалило асфальт, но в лесу было сыровато, прохладно. Малинник стоял влажным, трава тоже, и только березовые шелковые стволы сияли сухо и холодно.

Вдалеке затрещал вертолет, и Карага отправился на звук. Поначалу, пока его еще можно было видеть с дороги, он шел уверенно, но медленно. Как только дорога исчезла вместе с запыленным джипом и Югой, выбравшейся собирать ягоды в свернутый кулечком газетный лист, Карага перешел на быстрый неутомимый бег. Для него мир оставался статичен даже на большой скорости: картина сменяла другую, не сливаясь и не искажаясь, а для случайного свидетеля сам Карага показался бы размытым пятном, мчащимся с нечеловеческой скоростью.

Пару веков назад возникла бы легенда о лесном страшном существе, а сейчас любой турист схватится за трубку и взволнованно доложит: по лесу шляется меха. Да, точно меха. В лесу под Балежной. Приезжайте срочно.

И выехали бы пять опасных и бронированных по самые зеркала «Колоссов», а в них – сумрачные бригады с поставленными между колен автоматическими разрядниками «Фокус», способными превратить накачанного энергией Карагу в грудку металлолома, облепленного дымящимся мясом.

Такой риск существовал всегда. Отправляясь на место катастрофы, Карага всегда держал в голове мысль, что этот выезд может стать последним. Он не доверял людям, не доверял даже Берту, который сам обратился к нему за помощью десять лет назад, а теперь ждал его на месте крушения скоростного поезда Столишня – Карвардцы.

Спасательная бригада Берта состояла из пятидесяти человек, и среди них мог найтись тот, кто в один прекрасный день решит, что получать помощь от меха – несовместимо с чувством человеческого достоинства, и тогда Берту придется сдать Карагу из соображений собственной безопасности.

Юга знает, что делать в таком случае: она должна будет спрятаться, а потом вернуться к Кали с докладом, мол, так и так, лишились вы, Бензиновая Матушка, своего героя, погиб во цвете лет, матерясь и скрипя зубами.

Кали вычеркнет имя Караги из своей памяти, вычеркнет всю его историю, судьбу и данные – она экономит место на своих жестких дисках. Так и закончится их любовь.

Солнечный блик остановил Карагу. Пробившееся сквозь чащу небо безмятежно синело, земля пошла под уклон, и лес закончился, перебитый напополам стальными рельсами. Рельсы выходили из-за поворота, тянулись ровными нитями, но обрывались, чудовищным напряжением выдернутые и приподнятые, как будто намеревались отправить поезд ввысь, как кабинку развлекательного аттракциона.

Насыпь разметало с такой силой, что щебень застрял в стволах ближайших деревьев. Несколько берез вывернуло из земли, и они повалились на траву.

Поезд лежал на боку. Хвост улегся ровно, будто собрался отдохнуть, а середину закрутило в тугий жгут, три вагона сплелись в едином порыве, головная часть сплющилась гармошкой. Кое-где блестело целое стекло, но остальные рассыпались мелким крошечком. Надпись «Столишня – Карвардцы» превратилась в «шня – Кар», буквы и номера рассыпались детской азбукой.

Запах горячего металла, пыли и особый запах – запах большой катастрофы, ни с чем не сравнимый и неопиcуемый, предвещал гору трупов.

Они уже были – множество их, наспех прикрытых мятыми пледами, цветными полотенцами и покрывалами, в рядок лежали на солнышке, и вокруг них бродил с электронным блокнотом спасатель из бригады Берта.

Медики из Балежни сосредоточенно возились вокруг тех, кому повезло больше, везунчики тоже лежали кто на травке, кто на брезентовых носилках, и их спешно обвязывали, фиксировали, чтобы погрузить в вертолеты, болтающиеся над местом крушения.

Вертолетов было два, оба в оранжевых цветах спасательной службы. Военные то ли еще не добрались, то ли попросту махнули рукой – они редко оказывали помощь в делах такого рода, по горло занятые вопросом безопасности людей от бездомных, меха, анаробов и черта лысого.

Первыми отреагировали собаки. Они, вынюхивающие живое под завалами, разом повернули морды к Караге и затаивали на разные лады. Гигант сенбернар Ухо – басом и подвывая, шотландка Келли – протяжно и мелодично.

Обрадовался только Пират – пес без роду-племени, неясного пола и вида, лохматый черный бес, лишившийся глаза в пучине своего темного собачьего прошлого.

Он разулыбался, высунув красный флажок языка.

– Работай, – с симпатией сказал ему Карага и спустился с насыпи, притормаживая обеими ногами, – щебень рассыпался и катился вниз, защитная сетка, удерживающая его на склоне, была сорвана и висела на какой-то осинке.

Карага прошел вдоль девятого вагона, рассматривая повреждения и пытаясь заглянуть в окна. Тщетно – почти все они были загромождены сорванными сиденьями, чемоданами, полками и прочим хламом. В одном окошке вместе с хламом и креслами показалась оторванная рука с черными продольными полосками на белой вялой ладони.

Вряд ли ее владелец был жив, но проверить стоило, и Карага взялся пальцами за раскаленный солнцем металл. Легонько нажав, он смял его, как мокрую бумагу, отвел в сторону целый пласт толстой обшивки, и та поддалась с оглушительным визгом.

В образовавшуюся дыру вывалилась клетчатая сумка, начищенный ботинок и какой-то кабель, впрочем, без единой искры.

Отбросив все это в сторону, Карага пригнулся и пролез в вагон. Внутри все напоминало о смерче из старой сказки, том самом, который унес в волшебную страну домик с девчонкой и ее песиком.

Все, что могло быть сломано, было сломано, все, что не могло быть сломано, было измято, скомкано, как в припадке ненависти комкают и сминают любовные письма.

Как всегда в таких случаях, обычные вещи превратились в немой укор: зонтик без ручки, растрепанная записная книжка, телефонная трубка с застрявшей в ней пластиковой щепой, кофейная чашечка с трещиной.

Вещи в растерянности, люди мертвы или обречены на смерть, – так всегда бывает, и странно то, что внутри, в эпицентре крушения, всегда стоит тишина. Голоса, лай собак, визг инструментов, стрекот вертолетов – все остается снаружи, а здесь всегда тихо.

Или это иллюзия, маяя, оберегающая рассудок, и без того переполненный впечатлениями и ощущениями?

Карага считал всех тех, кто говорил, что эта работа давно стала привычной, лжецами или, по меньшей мере, идиотами. Сам он никак не мог привыкнуть к тому, что любой порядок находится в таком хрупком равновесии с реальностью, что за секунду может превратиться в хаос.

Не мог привыкнуть к тому, что нигде нет безопасности, нигде нет места, в которое не могла бы добраться смерть с вечным своим спутником – разрушением.

В девятом вагоне поднявшийся вверх рельс пробил пол, снес пассажирские кресла и протаранил потолок. Получилось что-то вроде канаве – слой за слоем на стальной шпалке. Снять вагон с рельса можно было, только распилив его на куски. Карага подумал и решил, что займется этим позже, сейчас его интересовали люди. За время работы спасателем он выработал особое чутье: мертвые не оставляют никакого ощущения, а живые будоражат и тревожат.

Караге было тревожно. Он боялся опоздать и потому внимательно и аккуратно осматривал каждый метр пространства, не обращая внимания на неподвижные тела, от которых не исходило никакого импульса.

Он нашел то, что искал. Под изогнутой стальной полосой, вбитый под нее нечеловеческой силой, лежал парень лет двадцати. Бледный, с посиневшими губами, он казался бы трупом, но широко раскрытые глаза блестели, а из придавленной рельсом руки текла кровь.

Карага присел на корточки, вынул из кармана рацию и сказал:

– Берт, пришли мне в девятый толкового медика.

– Ты уже на месте? – через несколько секунд откликнулся Берт.

– Работаю.

– Отправляю Энджи.

Карага убрал рацию, нагнулся еще ниже и присмотрелся. Прямо за парнем, в углу, в нелепой и страшной позе лежал еще один человек, и лысая его голова была похожа на блестящий и влажный шар для боулинга.

Воротничок его рубашки и сама рубашка вымокли насквозь, разбухли. Этот человек находился на пороге смерти и дышал лишь по странной и отчаянной прихоти организма.

Добраться до него было невозможно. Карага попробовал просунуть руку, но натолкнулся на препятствие – потревоженный парень тихо застонал.

– Ага, – сказал Карага и попробовал рельс на прочность.

Его можно было поднять, но не более чем на двадцать сантиметров, иначе следом потянется весь разваливающийся вагон, и неизвестно, к чему это приведет.

– Слышишь меня? – спросил Карага у парня.

Тот прикрыл глаза.

– Молодец. Слушай внимательно. На твоей руке валяется здоровенная железка, и я смогу ее приподнять, но, чтобы освободить тебя полностью, нужно время. Это время есть у тебя, но его нет у того типа, который валяется прямо за тобой. Сейчас сюда придет медик, и ей придется проползти по тебе, чтобы спасти лысого. Что скажешь?

Парень снова открыл глаза, облизнул пересохшие губы.

– Ты точно выживешь, – пообещал Карага. – Позволь выжить и ему. Потерпи. Потерпишь? Будет очень больно, но хуже и так некуда, так что... Ну?

– Да, – сказал парень надтреснутым голосом.

Карага кивнул.

– Я знал, что ты молодец. У тебя на лице написано: я славный чувак и готов позволить докторше прыгать на моих переломанных руках ради мужика, которого я знать не знаю...

– Прекрати, – гневно сказала Энджи.

Она появилась почти бесшумно и так и продолжила бы работать в полной тишине, потому что не любила Карагу, но, услышав его напутствие, не удержалась.

– Уже прекратил, – согласился Карага и отодвинулся. – Еще пожелания?

– Сделай что-нибудь, чтобы я туда пролезла.

Караге удалось отогнуть рельс ровно на те двадцать сантиметров, на которые он рассчитывал. Содрогнулся весь вагон, посыпалась какая-то пластиковая мелочь, загудел в напряжении пол, и без того вспоротый и продолжающий разламываться на части.

– Это все, – сказал Карага. – Дерну хоть на сантиметр дальше – все это развалится к чертям, и эти двое умрут.

Парень с блестящими глазами выгнулся и взвыл. Вес, снятый с его плеча, высвободил заряд боли от десятка осколков кости, впившихся в мякоть мышц.

Теперь он с ужасом смотрел на ту часть рельса, которая осталась лежать на предплечье и ладони.

– Я сделаю укол, – строго сказала Энджи. На парня она почти не смотрела, уставившись в угол с медленно угасавшим лысым, – но все равно будет неприятно. Готов?

– Неприятно, – хмыкнул Карага, – скажи сразу: тысяча гнилых зубов заболят одновременно и по всему телу! Наш милый героический доброволец, ты должен это знать.

– Ублюдок, – фыркнула Энджи, всаживая иглу в плечо парня.

– А ты дура, – сказал Карага.

– Пошел вон отсюда.

Карага пожал плечами. Его дело сделано, почему бы и не уйти? На очереди еще два десятка вагонов, и все их нужно обойти как можно быстрее.

– Позовешь, когда можно будет убрать рельс.

Он развернулся и выбрался из вагона, а вслед ему полетел режущий, страшный крик человека, по сломанной руке которого поползла увесистая тетка-медик с чемоданом капельниц и шприцев.

Дальше все пошло по накатанной. Карага примкнул к команде, работавшей в десятом вагоне, потом перешел в одиннадцатый и дальше, и везде он выполнял работу, которую обычно выполняли с помощью электрических пил, резаков и домкратов: поднимал, освобождал, разрывал, пробивал.

Трупов становилось все больше, но найдены были и выжившие – девушка с раздавленной грудной клеткой, пожилой господин с рваной раной в боку, перепуганный мальчик, отделавшийся синяками, и даже кошка, истошно мяукавшая в клетчатой переноске.

Медики растаскивали пострадавших, вертолеты взмывали в небо, уходили и возвращались снова, и их стало четыре, а не два, Столишня все-таки прислала подкрепление, хоть и запоздало.

Карага бок о бок работал с людьми, но перекинулся с ними только парой слов. Все они придерживались широко известного мнения: все беды на Земле произошли из-за меха, и страшное перенаселение, чуть не погубившее планету, тоже. Карагу терпели, понимая, что его способности грех не использовать в таком важном деле, как работа спасателя, но терпели еле-еле, и потому обстановка всегда была напряженная.

Один только Берг относился к Караге проще, чем остальные, но и он никогда не связывался с ним вне выездов.

Ничего личного.

К семи часам пополудни Карага начал уставать. Он то и дело обращался внутрь себя и поглядывал на показатели заряда батареи. Энергия держалась почти на нуле. Можно было использовать аварийные энергосберегатели, но Карага не любил тратить резервы. Мало ли что может случиться...

Разгребая мусор в головном вагоне, сплюсненном в гармошку, он снял с петель дверь в кабину машиниста и проник внутрь, боком, расцарапывая руки и плечи. Машиниста и его помощника уже вынесли – одними из первых, через разбитое окно. Остались только лужица крови на приборной панели и прилипший к ней же клочок темных волос.

Машинист погиб моментально, а помощника эвакуировали первым вертолетом, и теперь его жизнь была в руках пары опытных медиков и одного перепуганного интерна.

В кабине не могло быть ничего интересного, и Карага заглянул сюда только для того, чтобы пробить удобный вход бригаде экспертов.

Абсолютно ничего... кроме, пожалуй, стального цвета осколков-спиц, не похожих ни на деталь обшивки, ни на часть оборудования. Пучок согнутых стальных спиц, оплавленных на концах. Кусок мышечного волокна меха или анароба.

Такой кусок могло выбить из тела меха метким выстрелом в упор. Карага нагнулся, искал оружие и нашел. Прямо под приборной панелью, рядом с тугой педалью, называемой «кнопкой мертвеца», лежал пятизарядный «Комар».

Он был цел и невредим и потерял только один заряд.

– Мать твою перековать, – задумчиво сказал Карага, запихивая кусок мышечного волокна в один карман, а пистолет – в другой.

Он внимательно осмотрел кабину, но не нашел больше ничего, что могло бы указать на участие меха в случившейся катастрофе, но знал, что эксперты найдут – если причина не выяснится сразу, они проанализируют все и найдут пыль, крошки, невидимые глазу, и докопаются до правды.

Карага подумал и снова полез под панель, и там прижал «кнопку мертвеца» древком пластикового сигнального флажка, валяющегося рядом.

Теперь каждый решит, что машинист, устав постоянно нажимать кнопку и сигнализировать машине о том, что жив-здоров, обманул ее, установив искусственное давление на педаль.

Все бы ничего, многие так делают, но именно этому машинисту не повезло – его хватил удар или от духоты ускользнуло сознание, а поезд, не заметив утраты, продолжал набирать скорость на опасном повороте.

Именно так и решит экспертная бригада и отпразднует удачное завершение расследования. Кто-то получит по шее, всех машинистов проверят и найдут в их кабинах так же хитро установленные сигнальные флажки, начнется кутерьма, и правды за ней не разглядит никто. Правду Карага утащит с собой в виде куска волокон и «Комара», а Кали с ней, этой правдой, разберется по-свойски...

Карага выбрался из вагона. Теперь он внимательно наблюдал за всеми, кто работает на крушении. Нет ли кого лишнего? Нет ли кого, кто с особым интересом посматривает на него, Карагу?

Сколько он ни пытался найти что-то необычное, оно не показывалось и, видимо, ускользнуло отсюда давным-давно.

У медиков поубавилось работы, небо стало темнее, солнце пекло уже не так настырно.

Находки жгли Карагу через ткань спасательной формы. Лавируя между кусков металла, носилок, установок с электрическими резаками и прочим хламом, Карага добрался до Берта и сказал:

– Моя работа закончена, Берт, я на нуле.

– Уже? – спросил Берт, откидывая с лица пластиковое забрало шлема. Его загорелое лицо было утомленным, в уголках глаз скопились глубокие морщины. – А где твоя зарядка?

– В машине оставил, – нетерпеливо ответил Карага. – Берегу девочку.

Берт пожал плечом.

– До сих пор ждешь подвоха?

– Да, да, – пробормотал Карага, – я знаю. Если ты решишь меня подставить, то просто вызовешь «Шершней» в мою берлогу на Традиционной.

– Только ты там не живешь, – хмыкнул Берт.

Карага вскинул на него глаза и подумал, что сотрудничество, может быть, несколько затянулось.

– Деньги будут на прежнем месте, – добавил Берт. – Не волнуйся, Крэйт, ты нам нужен позарез, и никуда мы от этого не денемся. Сам знаешь: в последнее время катастрофа за катастрофой.

Карага знал. За последние три месяца случилось столько, что сложно было поверить. Рухнул мост над рекой, прихватив с собой два десятка машин и восемнадцать душ. На полете к аэропорту Шишково пилот борта 734 «Авиа-феи» сбрендил, описал дикую дугу и свалил самолет на ангары, похоронив там более ста человек.

На окраине Кревтени сгорел развлекательный комплекс «Сандра», не оставив после себя точного числа жертв – половина из них до сих пор медленно угасала в ожоговых центрах.

Теперь вот – скоростной поезд.

Катастрофы словно решили устроить семейный пикничок и собрались в одном месте и в одно время. До сегодняшней находки Карага не придавал этому особого значения, а теперь вдруг понял: все это могло быть взаимосвязано, и чудом можно считать то, что до сих пор никто не уловил связи...

– Подойди к Энджи, – сказал на прощание Берт. – Она неделю возит с собой какой-то особенный чай для Юги. С лепестками подсолнечника, что ли...

– Некогда, – сказал Карага, махнул рукой и полез на насыпь.

Ожидая Карагу, Юга не сидела на месте, а обошла все ближайшие малинники и набрала целый кулек ароматных лесных ягод. Ягоды эти нужно было высушить и добавить к крепкому черному чаю, придав ему неповторимый малиновый аромат.

Ягоды Юга положила на панель, где они матово мерцали розовым нежным светом, пронизанные солнечными лучами заходящего солнца.

– Еда, – одобрил Карага, забираясь в машину. – Сто лет не жрал. Главное, не отравиться.

Он запустил руку в бумажный пакет, зачерпнул малину огромной ладонью и отправил в рот.

– Шмотки мои готовы? – спросил он, заводя машину.

– Да, – сказала Юга. – Как все прошло?

– Мимо прошло. Слушай сюда и запоминай: у Стрелицы высадишь меня, а сама поменяешь машину и поскачешь галопом... дай-ка сюда эту бумажку...

Он вытащил из кармана найденные волокна и пистолет и завернул их в смятую газету, слегка запачканную малиновым соком.

– Топаешь напрямик к Эвилу, отдаешь ему это.

– Что это?

– Отличный вопрос, но у тебя мозгов не хватит разобраться в ответе. Просто передашь ему сверток и доложишь, что найдено это на месте крушения поезда Столишня – Карвардцы.

– Прямо к Эвилу?

Карага покосился на нее:

– Не тупи.

Юга умолкла и зашевелилась только перед самой Стрелицей, доставая с задних сидений туго связанный пакет с вещами: вручную выстиранным защитного цвета свитером, джинсами и носками.

Сам Карага носки менять бы не стал, но Юга придерживалась мнения, что чистым и свежим должно быть все, и с радостью добавила бы в пакет и новые трусы, но стеснялась.

На окраине Стрелицы, района старых промышленных зданий, полуразрушенных и битком набитых бездомными, Карага переоделся, зайдя за машину. Юга старательно делала

вид, что не смотрит, хотя ей очень хотелось посмотреть во все глаза: огромное, массивное тело Караги притягивало, как притягивал бы взгляд новенький авианосец или ракетная установка.

Эта мощь отличала армс-меха от остальных и до сих пор бросалась в глаза, хотя теперь считалась заслугой спортзалов.

Во время Великого меха-уничтожения армс-меха уничтожали первыми, и так тщательно, что вряд ли кто из ныне живущих поверил бы в то, что остался в живых хоть один экземпляр.

Карага был подозрителен и обладал особым чутьем, его прикончить не удалось. Он исчез из поля зрения наблюдателей, сменил имя, документы и место проживания и залег на дно.

Тогда он еще считал, что временное безумие пройдет и можно будет вернуться на прежние позиции.

Ничего не прошло. Общество раз и навсегда отказалось от реконструированных в лабораториях людей.

Шли годы, и Караге стало казаться, что он остался последним, как гигантский потомок динозавра, доживший до настоящих времен на дне ледяного глубокого озера и недоумевающий, куда делись все остальные.

Его грызла скука, и была даже попытка самоубийства, ничем не завершившаяся – встроенный аварийный модуль за шесть часов залатал повреждения, Карага восстал из мертвых и пошел за пивом.

Зарядное устройство Караги издохло от сложной вирусной инфекции. Это значило, что впереди десятки лет муторной человеческой жизни. Иметь бессмертие в человеческом теле – занятная идея. Заслуживающая критики, но занятная. Иметь бессмертие в теле меха с пустой батареей – то же самое, что тысячи лет шататься по планете и водить за собой тысячи голодных, наглых и разозленных существ, требующих манны небесной.

Карага настроился на худшее, и именно в это время к нему заявился Эвил. Расположившись в его гостиной, он представился и тут же перешел к делу.

– Обстоятельства таковы, что нас осталось очень мало, – сказал он. – Увы. Думаю, вы понимаете пользу плодотворного сотрудничества.

– Мне нужна новая зарядка. Обеспечите?

– У нас есть такая возможность, – согласился Эвил и подал Караге узкую холодную ладонь. – Я очень рад, что вы готовы войти в нашу своеобразную коалицию.

Карага вошел в «коалицию» и получил новое зарядное устройство – хрупкую маленькую Югу.

* * *

Забрав пакет и ключи от машины, Юга помахала вслед Караге и поплелась к входу в подземную Сеть. Нужно было перебраться на ветку Столишни, найти там припаркованную «Пчелу» и отправиться к Эвилу.

Юга побрела прочь, прижимая пакет к груди и беспокоясь, хватит ли Караге заряда до следующего дня. Если он будет вести себя спокойно и ни во что не ввяжется – хватит, если вдруг что-то случится – не хватит...

Карага не попросил заряда, а предложить сама Юга побоялась, не желая портить и без того плохое настроение напарника.

О себе она не позаботилась. Не взяла сменной одежды и ничего из еды. Пришлось накинуть длинный бесформенный плащ-дождевик и им прикрыть спасательную форму.

Она шла и шептала бесконечную считалку:

– А за деревом дерево, а за деревом куст, а за кустом опять дерево, а за деревом дерево, а за деревом дерево, а за деревом куст. А за кустом опять дерево...

Перед встречей с Эвиллом Юга всегда робела.

Бормоча про себя, она добралась до входа в подземку и обнаружила кругом людей – они медленно стекались вниз, черно-серой рекой уходя в быстрые сверкающие поезда.

Мало кто обращал внимание на крошечную девушку в темном плаще и с газетным свертком в руках. Югу редко замечали, и в этом были ее беда и преимущество. Преимущество потому, что ей можно было поручать важные задания без опаски привлечь внимание, а беда потому, что ее постоянно толкали, затирали и сдавливали, как маленькое животное, попавшее на пути табуна лошадей.

Запрятавшись в дальнем углу переполненного вагона, Юга неожиданно успокоилась и с гордостью подумала о том, что несет что-то действительно важное, что-то, о чем Карага предпочел умолчать, а значит, он действительно ей доверяет.

Во всех выгнутых окнах вагона подземного поезда ей мерещился Карага.

* * *

Карага пошел другим путем. Миновав освещенные улицы с офисами детективных контор, в которых обычно обретались бессменная секретарша с запахом плохих духов, сигаретный дым и мастер слезки, страдающий с перепою, он свернул на пустырь, утыканный арматурой от ушедшего в землю фундамента.

На всем вокруг лежали лиловые отблески гигантской Спирали, и земля под ногами тоже слегка светилась: кольца Спирали напитывались энергией глубоко под ней.

На другом конце пустыря виднелось серое приземистое здание полицейского участка. Возле него припаркованы были черно-синие «Колоссы», пахнущие пылью и синтетической нефтью.

Карага обошел «Колоссов» с уважением. Ему давно хотелось приобрести такую машину, но развезжать на авто военно-государственного образца было бы самоубийственной затеей. Приходилось восхищаться издали.

Пройдя плохо освещенный коридор, Карага кивнул дежурному, поедающему бутерброд с колбасой, и натолкнулся на спешащего навстречу Джерри, а тот сразу расплылся в улыбке и показательно позвенел ключами.

– Пойдем, пойдем, Крэйт, – сказал он. – Много вкусного тебе припас...

Он поспешно побежал вниз по лестнице, ведущей в подвал, и там начал греметь решетками и задвижками.

Карага спустился следом, подождал, пока распахнутся ржавые двери, и вошел пригнувшись.

В подвале было сыро и пахло землей. Погреб, а не подвал. Несколько ламп в жестяных плафонах, деревянный стол с бумагами, за которым дремал с перебитым носом.

– Выйди, – сказал Джерри сержанту.

Тот моментально проснулся, подпрыгнул и исчез в боковой двери.

– Ну-с, – провозгласил Джерри, бросая ключи на стол и обводя рукой помещение, – выбирай. Созрели ягодки, пришел садовник...

Карага заглянул за решетки.

– Ну и урожай, – сказал он скептически.

– А чем плох? – удивился Джерри. – Красивые девки. Раньше были сплошь крысы помойные, а сейчас – принцессы! Моются!

– В том-то и проблема, что моются, – проговорил Карага, разглядывая двух женщин, смиренно сидящих на лавке за прутьями камеры. Одна, огненно-рыжая, осмелилась поднять

глаза и даже усмехнулась. Вторая безразлично жевала жвачку и почесывала ногу. – Смысл хобби, Джерри, в том, что ты остолоп, не приносящий пользы обществу и семье, вдруг становишься воспитателем, наставником, богом и жрецом одновременно. Жрец и бог должен умирять, карать, учить и воодушевлять. В этом и есть интерес, и раньше дамочки под него подходили – было что ломать, было что приручать. А теперь что? Новое поколение, Джерри, они хотят вкусно жрать и сладко спать и наводят блеск ради того, чтобы им это обеспечили. Могу поспорить, что ты за этой парочкой не особо гонялся, а взял тепленькими с какой-нибудь парковой скамейки.

– Почти, – настороженно отозвался Джерри. – Что, ни одна не подойдет? Сливать?

– Сам посмотри, – пригласил Карага, постучал ладонью по прутьям и повысил голос: – Дамы, пороться будем?

Рыжая плотоядно улыбнулась, вторая перестала чесать ногу и выдула розовый сладкий шарик из своей жвачки. Шарик лопнул, она медленно облизала губы.

– Я не сексист, но в жизни не видел ни одной толковой бабы, – сказал Карага. – А эти так просто эталон тупости. Пнешь такую – полетит и спасибо скажет. Верно, милая?

Рыжая весело ему подмигнула.

– Вот. Мы друг друга поняли.

– Так они все сейчас такие, – расстроился Джерри, – мне что теперь, лавочку прикрывать?

– Ты узко мыслишь. Узко мыслишь, зато спишь крепко... ты зачем одних баб вылавливаешь? Думаешь, хобби на койке построено? Неправда. Смысл не в том...

– Парни тоже есть, – вдруг воодушевился Джерри, но на Карагу посмотрел укоризненно. – Есть, есть... вон, в пятой сидит.

Карага повернулся и подошел к крайней камере.

– Ага, – сказал он. – Интересно.

В пятой камере на полу, возле сломанной надвое старой скамьи, сидел подросток лет шестнадцати-семнадцати. Возраст бездомных определить обычно было сложно, но он явно уже оставил позади несчастное детство и еще не дошел до того возраста, в котором уличная шваль зарабатывает цирроз печени.

Первое, что бросилось Караге в глаза, – шрамы. Даже при тусклом подвальном освещении было видно, что парень жил настолько весело, что пару раз пытался прекратить веселье и отправиться в лучший мир.

Руки его были похожи на спущенную ткань портьер – порез за порезом, густо, беспощадно насаженные на каждом свободном сантиметре кожи. Были и другие шрамы – у виска, на скуле, на шее. Шрам на шее явственно указывал на то, что парню кто-то настойчиво желал отрезать голову, но либо не рассчитал, либо не успел.

Одет он был по странной моде, популярной во дворах и переулках Стрелицы: в джинсы, вытертые на коленях до состояния паутины, мягкую куртку из паршивого кожзамениителя, высокие ботинки с резным протектором. На запястьях красовались татуировки-браслеты: изображение черных цепей.

Карага знал множество значений уличных татуировок, но о цепях если и помнил что-то, то очень смутно.

– Сюда иди, – позвал он парня, но тот не шелохнулся.

– Он то ли глухой, то ли немой, – поделился Джерри. – Не умеет разговаривать.

– Все он умеет. Дай печеньку.

Джерри вернулся к столу дежурного, отодвинул пару ящиков и нашел среди бумаг и скрепок пакетик с вафлями.

Одну он тут же надкусил, а другую протянул Караге. Карага просунул вафлю сквозь решетку.